Юбилейное шоу, которое группа «ХОР ТУРЕЦКОГО» привозит в Майами - это история их 25-летней дружбы и общей любви к музыке.

Их называют рекордсменами популярности: более 5000 выходов на сцену, более 3 млн км пройденного пути, более 150 мероприятий в честь юбилея по всему миру, на которых присутствовало около 1 млн человек!

Коллектив представляет в программе лучшие композиции за все годы творчества, авторские песни и сюрпризы. Артисты исполнят композиции более чем на 10 языках без фонограммы, в том числе а капелла, и могут заменить своими голосами оркестр.

«Четверть столетия — это только малая веха творческого пути большого коллектива. 25 лет —
самый лучший возраст, чтобы выйти на охоту за новыми идеями… Так что будем удивлять!» — говорит основатель и продюсер арт-группы, народный артист России Михаил Турецкий.

Это музыкальный феномен XXI века, синергия уникальных вокальных возможностей, актерского мастерства и необычайной харизмы солистов. Коллекционные голоса, лучшие композиции за все эти годы, настоящее шоу с оригинальной режиссурой и сценографией, сюрпризы от «юбиляров» — все это, а также многое другое ожидает Вас в этот вечер.
Легкий музыкальный коктейль в лучших традициях мирового шоу: классика рока и звездные поп-хиты, киномузыка и авторские песни, брильянты мировой оперы и мюзикла. Созвездие женских голосов, самые неожиданные образы и захватывающие музыкальные истории. Венецианские маски и русские платки, роскошные платья и экстравагантные смокинги, цилиндры и трости. Взрывная энергетика, шквал эмоций и только живой звук.

Мало кому удается продать творчество. Сам не знаю, как я в этом преуспел. Есть анекдот в тему: «В советское время у профессорской дочки спрашивают: «Как вы, получившая классическое музыкальное образование, воспитанная в интеллигентной семье, стали валютной проституткой?» — «Просто повезло!» Вот и мне повезло. Только не сразу.

Детство мое протекало в московской коммунальной квартире в районе станции метро «Белорусская». Мы занимали четырнадцатиметровую комнату. Баловать нас с братом было некому: бабушек и дедушек нет, папа с мамой заняты выживанием.
Я незапланированный ребенок. Мама родила меня в сорок, папе было уже почти пятьдесят. Все в один голос отговаривали маму, у нее ведь больное сердце, но она поступила по-своему. Друзья советовали родителям назвать меня Юрой, потому что родился в День космонавтики, двенадцатого апреля, через год после полета Гагарина. «Юр-р-ра? — сказал папа, слегка грассируя. — Это тр-р-руднопр-р-роизносимое имя. Пусть будет Миша».
... В полтора года я уже начал напевать, в три исполнял подряд все песни, которые доносились из телевизора и радиоприемника: «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону, уходили комсомольцы на гражданскую войну». Отец по воскресеньям позволял себе подольше поваляться в кровати, я забирался к нему под бочок. Тогда-то и ковалась репертуарная политика будущего «Хора Турецкого». «Пап, давай «Заботу», — говорил я, и мы затягивали: «Забота у нас простая…» или «Твист и чарльстон, вы заполнили шар земной…»

Песни советского времени — потрясающие. Я пел их с фанатичным кайфом, и родители поняли: надо мальчика учить. В тот момент у нас появились вторая комната в

коммуналке и пианино. Мне нашли педагога по фортепьяно. Урок стоил десять рублей — серьезное испытание для семейного бюджета. А мне в шесть лет нравилось гулять на улице с друзьями, а не разбираться, что такое басовый ключ. Получив задание на дом, я считал количество нот в упражнении и тарабанил по первым попавшимся клавишам. Мама сопоставляла количество нот с количеством ударов по клавиатуре и разочарованно вздыхала:
— Что ж за белиберда?
— Такой этюд, — пожимал я плечами.
Длилось это четыре месяца. Потраченные сто шестьдесят рублей не материализовались в качество. «Бездарный мальчик, — сказала педагог. — Не тратьте деньги».
Я был счастлив: меня избавили от мучений. Но голос во мне рос, я садился за фортепьяно и, не зная нот, подбирал мелодию на слух — «Сиреневый туман», «Ты у меня одна». Приходили гости, меня ставили на стул, я пел — всеобщий восторг. «Талантливый пацан растет! Должен учиться».
Меня взяли в училище в одиннадцать лет. Я сразу попал в отстающие, остальные дети учились с семи, некоторые уже играли Второй концерт Рахманинова. В первый же день я с рыданиями сказал отцу:
— Не хочу! Не могу!
— Делай что хочешь, — сказал папа и устранился.
Догнать сверстников стало смыслом жизни. В итоге я втянулся. В школе занятия начинались в восемь тридцать. Я вставал в пять сорок, умывался, жевал на ходу бутерброд и мчался на метро в школу на Красной Пресне. В шесть тридцать я уже сидел за пианино и работал до начала уроков.
К восьмому классу я догнал однокашников. Мне и моим музыкантам повезло учиться музыке на излете советской системы. Это было время педагогов-бессребреников, которые вкладывали в учеников душу. И мы учились с таким же энтузиазмом.
«Гнесинка», куда я поступил по окончании хорового училища, — Высшая Школа Музыки. Меня в этом Храме муз сделали дирижером — матерым музыкантищем, способным поднять и повести за собой людей. Я, как губка, впитывал музыкальную науку, до поры до времени не обременяя себя мыслями о хлебе насущном. Но довольно рано — в двадцать один — пришла пора, я влюбился и женился.

У Лены были вздернутый носик, открытая улыбка и бездонные глаза. Настоящая русская красавица. Мы вместе постигали музыкальные азы, ходили на концерты, спектакли и каток. В двадцать два у нас родилась Наташа. Рановато, наверное, но мы были счастливы. Вопреки воле родителей.
Лена любила меня преданно и никогда ничего не требовала, но я должен был доказать себе и другим, что могу быть не мальчиком, но мужем и добытчиком.
К концу пятого курса я подрабатывал в четырех местах одновременно.Параллельно с магазином и преподавательской деятельностью начал работать с православным церковным хором и одновременно с ансамблем политической песни. А работая с актерами театра «Школа музыкального искусства» под руководством Юрия Шерлинга, понял, что могу научить петь любого.
В августе 1989 года вместе со своим другом и учителем Владимиром Ануфриевичем Семенюком я поехал на автомобиле в Клайпеду, в гости к его аспиранту литовцу.

Разговоры о музыке, вылазки в Палангу, солнце, море и песок. Во всех отношениях это была приятная поездка. В один из дней, несмотря на поздний час, никак не мог заснуть, хотя в двадцать семь лет знать не знал, что такое бессонница. В половине третьего ночи раздался звонок в дверь. Телеграмма. «Срочно позвони. Саша», — написал старший брат. «Что-то с мамой или папой?» — судорожно соображал я. В 1989 году звонить ночью в Москву из Клайпеды было неоткуда. Мы с Семенюком поехали в центр города и оказались перед запертыми дверями переговорного пункта. До половины восьмого не находил себе места. А когда наконец смог набрать телефонный номер, услышал в трубке мамин голос. «Значит, с ней все в порядке», — первым делом подумал я.
— Держи себя в руках, — сказала мама. — Они все погибли.
Я ничего не понял.
— Кто все, мам?
— Лена, ее отец и брат.

Через некоторое время теща стала настойчиво предлагать мне отказаться от Наташи и оформить на нее опекунство. На меня насели ее родственники:
— Зачем тебе ребенок? Ты еще молодой.
— При всем уважении не могу, — ответил я. — Евреи от своих детей не отказываются.
Хотел забрать девочку в свою квартиру, препоручив заботам моей мамы, но потом понял, что разлука с внучкой добьет обезумевшую от горя тещу.
В этот момент я очень остро нуждался в помощи. И эта помощь пришла ко мне свыше. Мне предложили создать в Москве хор еврейской духовной музыки. Это было спасением.
За восемнадцать месяцев мы сделали программу, с которой выступали в Англии, Франции, Израиле, Америке, Канаде. Финансированием хора занимался благотворительный еврейский фонд «Джойнт». Когда они поняли, что лидер коллектива не готов к глупому подчинению и хочет выйти на большие концертные площадки, у них пропало желание нас поддерживать. И с 1992 года я с хором остался без поддержки. У нас не было ни денег, ни рекламы. Один голый энтузиазм.
Мы трудно пробивали себе дорогу в Америку, ведь это было единственное место в тот момент, где можно было заработать. Помогали новые друзья, которые видели в нас фантастически талантливый проект. И хотя выступлений было немного — нас признали критика и профессиональные музыканты.
В 1994-м мне посоветовали обратиться за финансовой поддержкой в «ЛогоВАЗ». Я позвонил, и в синагогу, где мы репетировали, приехал Березовский со словами: «У вас есть двадцать пять минут». Мы ему спели красивыми голосами. «Даю пять тысяч долларов в месяц», — пообещал Борис Абрамович. Мы разделили эти деньги на двадцать человек, получив хорошую прибавку к зарплате на год. Потом дело скисло. Березовский уехал, его помощники сказали: «Чтобы вам и дальше помогать, надо, чтобы вас любил Боря, а у нас на счету были деньги. Боря вас любит, но денег нет».
В 1995 году я разделил хор на две части. Одна осталась в Москве, другая вместе со мной поехала по контракту в Майами. Я поехал с мамой и дочкой.

Я никогда не хотел уехать в Америку навсегда. Я хотел жить на Родине. И решил попытать счастья в последний раз. Если не получу поддержки, навсегда распрощаюсь с

идеей еврейского хора в России. За океаном у нас ведь в конце концов начало получаться. Мы настолько потрясли тамошнюю публику, что власти Майами выпустили прокламацию, объявив шестое февраля «Днем Московского хора».
На этот раз я стал атаковать офис Иосифа Давыдовича Кобзона. Сделал полторы тысячи звонков, не меньше. Покупал карточки и звонил в Россию из таксофона. Может, я стучался громче других, но в результате Кобзон меня услышал. И взял нас в свой юбилейный тур по России и СНГ, что стало своеобразным прорывом для коллектива. Через пару лет я решил сменить наше одиозное некоммерческое название «Еврейский хор». К тому же нам стало тесно в рамках колоссальной, могучей, но одной только еврейской музыки — ведь это лишь часть мировой музыкальной культуры. Почему бы не исполнять и другую музыку, например классику, фольклор, джаз, рок? Так родился «Хор Михаила Турецкого».
Шел 2001 год, я с коллективом гастролировал по Америке. Дочь Наташу, которая жила со мной в Штатах, через какое-то время вернул бабушке. Теща наконец-то меня оценила. С тех пор мы живем в мире. Правда, никогда не держал на нее зла, я ее понимаю: будущий зять еще не сделал мне ничего плохого, а я его уже не люблю.

Двенадцать лет я ходил в холостяках. Не мог представить, что приведу в дом «чужую тетю» и скажу Наташе: «Это наша новая мама». Некоторые девушки предпринимали попытки сделать из меня мужа. Тогда я шел к главному раввину России Адольфу Соломоновичу Шаевичу и говорил:
— Что делать? Меня прижали к стенке.
— Если можешь не жениться, не женись, — отвечал он.
Я мог, потому что карьера, становление хора и обязательства перед самим собой и коллективом казались гораздо важнее романов. Пока не встретил Лиану...
Мы встретились после концерта в Далласе. Отец Лианы был одним из организаторов наших выступлений. 31 октября в Америке как раз отмечали Хэллоуин, и Лиане хотелось провести этот праздничный вечер с ребенком, но она не могла обидеть папу, который настаивал, чтобы дочь слушала еврейский хор из России. Как интеллигентный человек, Лиана пришла за кулисы поблагодарить музыкантов за концерт. Марта Клионер, наш импресарио в те годы в Штатах, увидев ее с дочкой, поинтересовалась, где же муж.
— Муж объелся груш! — ответила моя будущая супруга.
— Так у нас столько мальчиков в коллективе, я вас представлю! — перехватила Марта Лиану и повела знакомиться с артистами.
Мы столкнулись в коридоре — красивая, броская девушка и рядом с ней маленький кучерявый ангелочек, ее дочь Сарина. На меня, как на артиста, который провел месяц на гастролях, внешний вид Лианы — ее высокий каблук и открытый живот — произвел неизгладимое впечатление. Мы разговорились. Я предложил всем вместе поехать в ресторан, выпить кофе. Три коктейля повысили концентрацию романтики в моем организме. И я сказал Лиане: «Поехали к тебе». Она сопротивлялась, но я проявил легкую настойчивость. Мы отправились к Лиане и проговорили с ней до утра. Я предложил поехать с нами в тур, на что Лиана изобразила неприступность и вызвала такси, чтобы меня отвезли в гостиницу. Уже в следующем городе, Чикаго, я почувствовал, что хочу позвонить этой девушке. Набрал ее номер после выступления, и мы опять проговорили всю ночь. Мне это стоило гонорара за два концерта. Зато уже определились некоторые жизненные ценности и позиции. Я предлагал Лиане приехать

к нам на центральный концерт тура в Карнеги-холл в Нью-Йорке, но она культурно отказалась, сославшись на то, что не может уйти с работы и надолго оставить ребенка. После Карнеги-холла я приехал к ней в Даллас сам. На следующий день, когда Лиана забирала Сарину из садика, воспитательница отозвала ее в сторонку: «Знаете, что сказала ваша дочка? Она сообщила, что дядя с концерта теперь спит у вас дома!» Пора было определяться с чувствами.
Лиана поначалу отказывалась бросить большое дружное семейство, хорошо оплачиваемую работу программиста и переехать в Москву, пока я не поставил вопрос жестко. Ее родственники были не в восторге от наших планов. Но мы с ней непослушные люди. И все-таки убедили родителей. Потом возникли проблемы с вывозом Сарины. Я ее удочерил и перевез в Россию.

Мы с коллективом шли своим особым путем, миновав цепочку «продюсер-телевизор-публика-касса». Одной ногой попали в шоу-бизнес, другой остались в искусстве и с этим пришли на концертные площадки.
Хор выбрал свою музыкальную политику — мы не ограничивали себя исключительно классической музыкой. Есть еще поп, рок, джаз и мюзиклы. Только классика — это как строгие брюки в гардеробе, красивые, дорогие, но одни. А можно ведь переодеться и во что-то подемократичнее. Сегодня побеждает музыкальный фьюжн — смешение стилей, когда ты можешь предложить людям в единицу времени разные ощущения. Буду благодарен тому, кто сократит божественные длинноты в «Войне и мире» Льва Толстого и вместит четыре тома романа в пятьсот страниц, чтобы современные дети смогли его осилить. Я применяю подобные сокращения к классической музыке. Ведь воспринимать ее непросто. Нужно настроиться, открыть душу. Желание есть у многих, нет времени. Я же могу за десять минут познакомить слушателя с Верди, приправив музыку ферментом поп-рока для более легкого восприятия. В результате Верди звучит как Queen. И это не пародия. Не стеб, не лубок, просто другое, современное осмысление.
Самое сложное в моем деле — собрать людей и удержать их вместе. Без нормальных отношений трудно заниматься совместным творчеством. Бизнес должен быть радостным. Артисты хора, по сути, мои родственники. С ними я провожу больше времени, чем с женой. Раза в три. Поэтому все постепенно обращаются в «турецкую» веру. Постоянная совместная жизнь меняет людей. Волей-неволей мы становимся единым целым.

Достаточно часто мне задавали вопрос: «А почему у вас мужской коллектив?» Я отвечал, что у нас такой набор голосов, который позволяет петь любую музыку, даже написанную для женщин. И тем не менее есть колоссальный пласт музыки, который было бы уместно исполнять женскими голосами. В 2008 году я объявил кастинг и отобрал десять лучших женских голосов из разных городов России и стран СНГ. Каждая солистка — это «вокальный бриллиант» с незаурядными актерскими и музыкальными данными. За ними женственность, интеллигентность, музыкальность и культура — а ведь это именно то, в чем так нуждается современный мир. В этих девушек влюбляешься через пять минут после того, как они начинают петь. И по всем характеристикам — визуальному восприятию, репертуару, диапазону возможностей — арт-группа «Сопрано10» — уникальное явление на российской эстраде. Сегодня в этом

проекте я в полной мере реализуюсь как продюсер и черпаю вдохновение.

В 2017 году Михаилу удалось выделить время для знаковых событий. Первым стала свадьба дочери Сарины и Торника Церцвадзе. Вторым – награждение Орденом Дружбы за развитие культуры.

По материалам прессы

31 декабря 2018 в 8.00 pm
NMB Performing Arts Theater
17011 NE 19th Ave, North Miami Beach, FL

Михаил Турецкий
CHOIR & SOPRANO

ЮБИЛЕЙНОЕ ШОУ «25 лет»

Союз Видео: 305-792-2636, билеты: 305-283-7819
www.RussianHotLine.com